

А. КАЙДАРОВ, К. ХАСАНОВ

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ КАК УЙГУРОВЕД

До XIX века наука располагала крайне скудными сведениями об Уйгуристане и его основном населении — уйгурах. О духовной и материальной культуре этого древнего и самобытного народа можно было судить лишь по отдельным разрозненным сведениям и свидетельствам китайских (Фа Сянь, Сюань Цзянь), арабских (Аль-Фатых, Ибн-Тамим) и европейских (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло) путешественников, историков и летописцев.

Определенная работа по исследованию Восточного Туркестана была проделана в первой половине XIX века. Усилиями ученых многих стран, в том числе и русских, таких, как Ю. Клапрот, И. Бичурин, А. Казем-Бек и другие, было начато историко-филологическое исследование уйгуров. В трудах этих ученых приводились сведения о происхождении уйгуров, их языке и культуре, вовлекались в научный обиход новые источники по истории и этнографии уйгуров.

Однако несмотря на это, до второй половины прошлого столетия богатая и самобытная культура уйгуров оставалась мало известной для науки. И эта тайна, во всей ее загадочной красоте, была раскрыта русскими учеными. Благодаря их всесторонним исследованиям была заложена прочная основа самостоятельной отрасли науки — уйгуроведения, изучающей духовную и материальную культуру уйгурского народа.

В первых рядах этой замечательной плеяды русских ученых — первооткрывателей Восточного Туркестана — родины уйгуров стоял и славный сын казахского народа Чокан Валиханов.

Интерес к изучению истории, быта и культуры своего народа, а также всех тюркоязычных народов Средней Азии, в том числе и уйгуров, у Чокана Валиханова возник очень рано. Еще будучи слушателем Омского кадетского корпуса, «он мечтал о большой научно-исследовательской работе, которую мог бы провести на полях неизведанной Азии». Он не только делал эту мечту и ясно представлял своим пылким и живым воображением свое будущее путешествие в мир таинственных приключений и научных открытий на огромных пространствах азиатского материка, но упорно и основательно готовился к этому необычайному подвигу.

Из биографии Чокана Валиханова и воспоминаний о нем его современников мы знаем, что уже в двадцатилетнем возрасте, т. е. к моменту своего первого путешествия в Джунгарию, Чокан Валиханов был подготовленным и вполне зрелым ученым.

¹ А. Х. Маргулан. Жизнь и деятельность Чокана Валиханова. В кн.: «Чокан Валиханов. Избр. произв». Алма-Ата, 1958, стр. 28.

Нам также известно, что Чокан Валиханов, прежде чем отправиться в путешествие по Восточному Туркестану, тщательно изучил всю имеющуюся литературу об этой стране, в том числе труды Бичурина, Тимковского, Казем-Бека, а также Клапрота, Абель-Ремюза, Риттера, Гумбольта, не говоря уже о трудах Марко Поло, Абулгази, Рашид-ад-Дина и других исследователей.

Уместно отметить и тот факт, что знание и эрудиция Чокана Валиханова в свое время поражали многих известных ученых, с которыми ему приходилось встречаться. Так, например, после беседы с Чоканом Валихановым академик П. П. Семенов-Тяньшанский отзывался о нем как об обладателе «совершенно выдающихся способностей».

За свою короткую, но удивительно яркую и плодотворную жизнь (1835—1865 гг.) Чокан Валиханов создал целую серию научных трудов, которые вошли в золотой фонд отечественной науки.

Научное наследие Чокана Валиханова, которое в общей сложности составляет пять больших томов², не только богато по своему содержанию, но и разнообразно по тематике, что наилучшим образом свидетельствует о масштабности и широте научных интересов этого замечательного и талантливого ученого.

Следует отметить, что среди столь широких научных интересов Ч. Валиханова одно из центральных мест занимают проблемы уйгуристики. Изучению истории, быта и культуры уйгурского народа посвящены самые яркие страницы его талантливых трудов.

Чокану Валиханову принадлежит пальма первенства в обстоятельном и всестороннем (историко-филологическом, естественно-географическом, социально-экономическом и культурном) исследовании Восточного Туркестана.

Как известно, во второй половине XIX века создаются более или менее благоприятные условия для научного исследования Восточного Туркестана, который до того времени, как и вся Центральная Азия, был почти не известен науке³. В Восточный Туркестан устремляются экспедиции разных стран, усиливается к нему научный интерес как европейских, так и русских ученых. В заслугу Чокана Валиханова ставится то, что именно он одним из первых, рискуя собственной жизнью, смог проникнуть в Восточный Туркестан и блестяще осуществить свои научные замыслы.

Высоко оценивая эту заслугу Ч. Валиханова перед отечественной наукой, проф. А. Н. Бернштам писал: «Русские исследователи Чокан Валиханов, Петровский и Клеменц открыли неисчерпаемые сокровища Восточного Туркестана — родины уйгур. По стопам русских первооткрывателей шли экспедиции англичан, французов, немцев, японцев, финнов и итальянцев. За Валихановым (1858—1859) последовал Шуу (1868—1889) и Форсайт Беллью (1870—1873). Вслед за Петровским, начавшим свою деятельность в Кашгаре в 1882 г., последовало открытие Боэром (1890) санскритской рукописи в Куче. После поездки русского врача Регеля (1879) и Клеменца (1898) в Турфан последовали Штейн (1900), Грюнведель и Лекокк (1902), Пеллю (1906), Отани (1908), Филиппо де Филиппини (1913) и др.»⁴

Следует отметить, что исследования Восточного Туркестана, после

² Издательством «Наука» сейчас издано три тома; II том составляют материалы и исследования о Кульджинском крае и Кашгарии.

³ В. А. Обручев. Вклад русских ученых в исследование Центральной Азии. «Изв. Вост. Сиб. отд. РГО», 1897, т. 27, стр. 58.

⁴ А. Н. Бернштам. Русская и советская уйгуристика. «Изв. АН КазССР», серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. 1, стр. 78.

Джунгарии, принесли Чокану Валиханову еще большую известность в научном мире и послужили основой всеобщего признания его как ученого-уйгуроведа.

Заслуга Чокана Валиханова как уйгуроведа заключается не только в том, что он первым открыл Восточный Туркестан. Его труды об этой загадочной стране отличаются широтой привлекаемых к ее изучению источников, глубиной научного анализа и оценки фактического положения страны, объективностью характеристики и правильностью интерпретации исторических фактов. «Произведенные Чоканом Валихановым наблюдения исторического и этнографического характера, — пишет проф. А. Н. Бернштам, — по своей глубине и важности выводов стоят несравненно выше, чем более знаменитые и впоследствии переведенные на русский язык работы Шоу (1868—1869 гг.) о Синьцзяне и Беллью, описавшего миссию Форсайта (1870—1873 гг.)»⁵.

Научное наследие Чокана Валиханова в области уйгуроведения составляют в основном работы, написанные им в результате первого посещения западной провинции Китая и Кульджи в 1856 г. и поездки в Кашгар в 1858—1859 гг.⁶ Многочисленные статьи Чокана Валиханова об этом крае, его кульджинский и кашгарский дневники, а также переписка и многие другие дополнительные материалы и сведения дают яркую картину о многогранной жизни уйгуров того периода. И все эти труды замечательного ученого по сегодняшний день не потеряли своей ценности для науки.

В пытливых изысканиях и наблюдениях Чокана Валиханова читатель может найти весьма ценные и интересные в научном отношении сведения о древней и современной истории этой страны, о ее природных богатствах и животном мире, о географических условиях и народонаселении, промышленности и торговле, о социально-экономическом положении, материальной и духовной культуре ее народов вообще и об образовании и искусстве, правах и обычаях, языке и литературе уйгуров в частности. Одним словом, внимание наблюдательного и проницательного ученого в одинаковой степени привлекали и большие социально-экономические и политические проблемы в стране и этнографические детали жизни народа. И надо отметить, что по всем этим вопросам он сумел сказать что-то новое и оригинальное, сумел дать исчерпывающий анализ и правильную научную интерпретацию наблюдаемых явлений.

Однако приходится констатировать, что все это богатое научное наследие Чокана Валиханова в области уйгуроведения еще недостаточно изучено. Тем не менее в настоящее время, когда уйгуроведение получило свое определенное развитие и выросло уйгуроведческие кадры, вопрос о всестороннем исследовании и освоении этого наследия должен стать одной из неотложных задач специалистов-уйгуроведов различного профиля.

Мы же в своей статье ограничимся характеристикой лишь некоторых, наиболее важных моментов научных положений Чокана Валиханова.

Как известно, в 1856 г., вернувшись из поездки по Киргизии, Чокан Валиханов был командирован в г. Кульджу в качестве официального представителя российского правительства по торговым делам. Это было его первое посещение Восточного Туркестана, первое знакомство с уйгурским народом. Чокан Валиханов прибыл в Кульджу 5 августа 1856 г. и прожил здесь три месяца, ведя путевой дневник, в котором подробно

⁵ А. Н. Бернштам. Проблемы истории Восточного Туркестана. «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 52.

⁶ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1962, стр. 5—8

записывал свои наблюдения, мысли и данные по различным вопросам истории, этнографии и экономики уйгуров.

Чокан Валиханов, находясь в Кульдже, не только серьезно изучал историю Восточного Туркестана, язык уйгуров, но и усиленно занимался изучением социально-экономического положения народов и их взаимоотношений.

Так, например, о тяжелых условиях жизни основного населения Илийского края, о государственном управлении в Китае того периода, о произволе, взяточничестве и других формах эксплуатации красноречиво говорят следующие строки: «Здесьшний цзян-цзюнь — это совершенный трехбунчужный паша. Он пьет, ест за счет народа. Мясники доставляют ему каждый день мясо, портные шьют платья, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят все границы. Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху»⁷.

И надо отметить, что во всех подобных описаниях и исследованиях Ч. Валиханова о Кульджинском крае⁸ и его населении всегда четко выражается его горячее сочувствие и симпатии к эксплуатируемому народу и презрение, ненависть к эксплуататорам.

Пребывание Ч. Валиханова в Кульдже пробудило его научный интерес к проблемам уйгуристики в самом широком смысле этого слова. Вернувшись в Омск, он вновь взялся за изучение древней истории Центральной Азии и Восточного Туркестана, консультируясь по ряду вопросов со своим другом Г. Н. Потаниным, вместе с которым он строил планы путешествий по неизведанным землям древней родины уйгуров — Кашгарии.

Путешествие в Кашгарию (1958—1959 гг.) и всестороннее исследование этой страны принесло Чокану Валиханову еще большую известность в научном мире. Собранный им материал о Кашгарии оказался исключительно богатым и ценным. Н. И. Веселовский, характеризуя Чокана Валиханова как открывателя Кашгарии, особо подчеркивал, что «описание путешествия в Кашгар составляет главную работу этого замечательного человека».

Исследователи Чокана Валиханова, говоря об этом необычайном путешествии, основное внимание уделяют описанию его романтической стороны, опасностей, подстерегавших смелого исследователя на каждом шагу, что в известной степени оттесняет на второй план более важные моменты его научной деятельности. Между тем в исследованиях Ч. Валиханова мы можем найти ответ на многие вопросы, связанные с изучением географии, истории, этнографии, языка и литературы уйгуров Восточного Туркестана и Кашгарии в частности.

В «Материалах и исследованиях о Кашгарии» значительное место отводится изучению тяжелого экономического положения народов Алтышара, различных политических ситуаций, религиозных междоусобиц, борьбы народных масс за лучшую жизнь и независимость и т. д. Вот что представляла собой Кашгария накануне грандиозного национально-освободительного восстания 1864 г. Город только что пережил кровавую расправу цинских властей над участниками восстания 1857 г. Следы кровавого побоища виднелись всюду. От городских ворот до центральной площади была проложена аллея из жердей, на которых висели клетки с головами казненных. На площади возвышалась пирамида, сложенная из человеческих черепов. Среди казненных был и неудачный

⁷ Архив АН СССР, ф. 23, оп. 1, № 4, л. 152.

⁸ См. раздел: «Материалы и исследования о Кульджинском крае» в указ. книге Ч. Валиханова, стр. 11—166.

предшественник Чокана — немецкий ученый-востоковед Адольф Шлагинтвейт, проникший тайно в Кашгар и поплатившийся за это своей жизнью⁹.

Будучи свидетелем этих жестоких событий, Чокан Валиханов писал: «Людей здесь резали так же обыденно, как режут только кур».

Характеризуя настроение населения Кашгара, терроризованного карателями, Ч. Валиханов приводит перевод уйгурской народной песни, в которой говорится: «Трудно содержать в кашгарском городе лошадь, потому что связка сена стоит двенадцать пулов, но еще труднее сохранить голову, потому что вай! вай!»

Объясняя причины ненависти широких народных масс к эксплуататорской верхушке, Чокан Валиханов пишет: «Обременительные налоги, незаконные поборы, лихоимство и притеснения китайцев и беков, поставленных ими, раздражают народонаселение Шести Городов, и оно от души ненавидит как китайцев, так и своих чиновников». Далее он указывает: «Китайцы, сознавая свое бессилие, сделались и подозрительными, и злыми. После каждого восстания они неистовствуют, предают все грабежу, насилюют женщин, разрушают мечети и предают казни для внушения страху дервишей и других бедных людей, а лиц же более или менее влиятельных, несмотря на их участие в мятеже, оставляют на прежних должностях, даже дают высшие шарик. Эта политика напоминает турок, которые разбойников делали губернаторами провинций, в которых они свирепствовали»¹⁰.

Это наблюдение Чокана Валиханова ярко характеризует его отношение к общественным явлениям, ибо он, в противоположность большинству буржуазных исследователей, сумел отделить социально-классовые моменты от чисто национальных. Чокан Валиханов подчеркивал, что уйгурский народ находится под двойным гнетом эксплуатации: цинских колонизаторов в лице китайской армии и чиновничества и господствующих классов уйгурского общества в лице беков и клерикальной верхушки.

Чокан Валиханов не только сочувствовал судьбе многострадального уйгурского народа, но и верил в его возможности. «Народ, — писал он, — живет бедно, терпит нужду и трудится вечно. Если бы туркестанцы могли пользоваться плодами своих трудов, то были бы одним из богатых восточных народов, какими они были прежде»¹¹.

Восточный Туркестан, и в частности Кашгария, представлял собою в то время поистине пороховой погреб, поднеси спичку — и вспыхнет грандиозный пожар. Чокан Валиханов хорошо это чувствовал. Он говорил о непрочности цинского владычества, интересовался вопросом, чем же объяснить неудачу национально-освободительных восстаний под руководством ходжей.

Немаловажное значение в этом вопросе, по мнению Ч. Валиханова, имели междоусобицы религиозных партий в Кашгарии, руководимых ходжами. Он писал: «Жители Шести Городов... разделяются на две религиозно-политические партии — белогорцев и черногорцев, которые имели своих духовных патронов (пиров); между пирами этих партий происходила борьба за светскую власть над Малой Бухарией... Белогорец должен во всем противодействовать черногорцам, а черногорец — белогорцам. В этом заключаются религиозный догмат и политические убеж-

⁹ Сведения об обстоятельствах, способствовавших смерти Адольфа Шлагинтвейта см. в указ. раб., стр. 481—485.

¹⁰ Там же, стр. 361.

¹¹ Там же, стр. 344.

дения этих партий»¹². Раскрывая социальную природу этих партий, сущность их двуличной политики в зависимости от конкретных условий и борьбы за монопольное эксплуатирование уйгурского крестьянства, трудящихся масс, Ч. Валиханов, как убежденный противник религиозного фанатизма, мракобесия и ханжества, бичует паразитическое существование ходжей, пользовавшихся «орезолом» святости в корыстных целях. «Пороки, которые они обнаруживают, — пишет Чокан о ходжах, — принимаются за религиозное иступление, и на пьянство и разврат их смотрят с благовоением. Основываясь на таком авторитете, молодые ходжи шатаются по улицам, бьют собак, заглядывают под покрывала женщин, и никто не осмеливается их останавливать»¹³.

Итак, характеризуя двойной гнет, постоянную вражду религиозных партий и самодурство ходжей, Ч. Валиханов отмечает, что все это тяжелым бременем ложится на плечи трудового народа. «Таким образом, — заключает он, — настоящая внутренняя политическая обстановка Восточного Туркестана одинаково неблагоприятна как для владычества китайцев, так и для ходжей»¹⁴.

Особый научный интерес для историков-уйгуроведов имеют исследования Ч. Валиханова и по истории проникновения и закрепления различных религий, о мусульманском фанатизме и приверженности уйгуров к тем или иным религиозным верованиям и т. д.

На основе китайских и восточных источников и высказываний европейских путешественников Ч. Валиханов приводит ряд данных, характеризующих историю проникновения и смены религий в Туркестане. «Нельзя положительно сказать, в какое время буддизм водворился в Восточном Туркестане, — отмечает он, — но, по свидетельству китайских писателей, он существовал там еще при династии Хань. В 140 году до Р. Х. города Восточного Туркестана составляли отдельные владения и исповедовали буддийскую веру... Город Хотан особенно славился своей индийской культурой»¹⁵.

Ислам в Восточный Туркестан проникает в VIII в. Однако распространение его в стране, по свидетельству китайских и мусульманских историков, было делом далеко не легким. На этой почве происходили кровопролитные битвы. Ч. Валиханов приводит имена некоторых первых мусульманских проповедников в Восточном Туркестане, в том числе и имя Сатука Бограхана¹⁶, умершего в 429 году Хиджри, который распространял газат до Турфана и Комула. «Обширные места религиозных побоищ около Хотана, а также между Яркендом и Янысаром, называемые шайдаи, т. е. местами успокоения блаженных, — пишет он, — доказывают, что для введения ислама нужно было много кровопролития. Несмотря на это, область распространения его долго ограничивалась только западными городами»¹⁷.

Ч. Валиханов видел несколько причин, воспрепятствовавших распространению ислама и мусульманского фанатизма у уйгуров Восточного Туркестана. Это, во-первых, удаленность Восточного Туркестана от центров мусульманства, во-вторых, влияние китайцев, проповедовавших другую религию и, в-третьих, продолжительное господство буддизма в

¹² Там же, стр. 363.

¹³ Там же, стр. 370.

¹⁴ Там же, стр. 365.

¹⁵ Там же, стр. 298—299.

¹⁶ تذکرہ سلطان ستوق بخرآخان («Жизнеописание султана Сатук Буграхана»). См. А. М. Мугинов. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962, стр. 79.

¹⁷ Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 299.

этой стране, вплоть до IX в., и наличие пережитков в религиозных воззрениях уйгуров доисламских верований, которые продолжали сосуществовать долгое время с мусульманской религией. Так, например, «по свидетельству Марко Поло, в XIII веке жители Комула были идолопоклонниками»¹⁸. С. Е. Малов сообщает нам, что желтые уйгуры исповедуют буддизм и шаманство, они — единственные из тюркских народов древние исповедники буддизма и об исламе, можно сказать, не слышали¹⁹. В другом месте он указывает, что еще в начале XX в. шаманство имело широкое распространение в Кашгаре, Аксу, Яксите, Хотане и в оазисах Керии. Причину же живучести этой религии он усматривал в связи шаманства с исламом²⁰. Уместно заметить, что одним из характерных сочетаний элементов шаманства и ислама является религиозно-обрядовая игра уйгуров — «Пери оюни», которая все еще бытует в народе.

«Очень натурально, — пишет Ч. Валиханов, — что после столь продолжительного господства буддизма учение Магомета, проникшее в Восточный Туркестан с VIII века, когда аравийские купцы стали посещать этот край, не могло скоро в нем водвориться. Аравитяне встретили в городах большое сопротивление, и первыми последователями их были номады (кочевники. — авт.)»²¹. Эти мысли ученого свидетельствуют о том, что уйгуры Восточного Туркестана, которые в основной своей массе были оседлыми и занимались земледелием, не были расположены к принятию ислама.

В «Историческом очерке» Ч. Валиханова большое место отводится описанию восстаний уйгуров на протяжении одного века (1758—1858 гг.): восстания 1816 года под руководством Зияведдина, восстания (1826—1828 гг.) Джангир-ходжи, восстания 1830 г. под руководством Юсуп-ходжи, «восстания семи ходжей» в 1847 г., восстания Валиханатюре (1857—1858 гг.). И надо отметить, что при описании этих восстаний Ч. Валиханов пользовался как материалами, почерпнутыми из бесед с живыми участниками событий, так и редкими историческими источниками, такими, как «Тарихи-Рашиди» Мухамеда Хайдара (доведена до 1554 г.), «Тазкира-и-Ходжаган» Мухамеда Садыка Кашгарского (история династии ходжей доведена до 1758 г.), приобретенными им в Кашгаре, что придает работе особую ценность.

Немаловажное значение для историков-уйгуроведов имеет вопрос о переселении уйгуров в пределы России, на который Ч. Валиханов также дает исчерпывающий ответ. Как отмечает Ч. Валиханов, часть уйгурского населения Кашгарии переселилась в Ферганскую долину еще в первой половине XVIII в., затем во второй половине этого века (1757—1759 гг.) и начале XIX в.²² В работе описываются причины этих переселений, а также тяжелые последствия и трудности, перенесенные трудовым народом в результате неоднократных эмиграций и реэмиграций. Так, например, описывается известное в истории событие о трагической гибели эмигрантов из Кашгарии при переходе Теректинского прохода (Терек даван): «Теректинский проход покрыт скелетами животных и людей... Когда я, пораженный этим зрелищем, спросил своих спутников сартов, то они мне объяснили, что это кости погибших кашгарцев, что при бег-

¹⁸ Там же.

¹⁹ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1957, стр. 3.

²⁰ С. Е. Малов. Шаманство у сартов Восточного Туркестана. Петроград, 1917, стр. 1.

²¹ Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., стр. 299.

²² Там же, стр. 317—324.

стве из Кашгара в Андижан были застигнуты здесь снежной бурей и погибли, что число погибших около сорока тысяч»²³.

В трудах Ч. Валиханова имеются также данные о переселении и расселении уйгуров внутри страны. Так, характеризуюя город Уч-Турфан, он пишет: «В историческом отношении город этот замечателен тем, что в 1765 году вследствие бунта все жители были истреблены и на место их переселено до 500 семейств из разных туземных городов, которые были записаны землепашцами (таранчи), и образовано военное поселение из китайцев»²⁴. Описывается также переселение уйгуров различных городов в Илийский край во времена джунгаров. А сибиряки и солдаты, по утверждению Ч. Валиханова, переселились в этот край из Маньчжурии и т. д.

Таким образом, написанный Ч. Валихановым исторический очерк о Восточном Туркестане на основе множества новых данных, исторических документов и свидетельств самих очевидцев описываемых событий вызвал в свое время большой интерес в научном мире. Этот труд и поныне не потерял своей научной значимости.

Не меньший интерес представляют и этнографические наблюдения Чокана Валиханова. В круг этнографических интересов его входили самые разнообразные вопросы: быт, нравы, обычаи уйгуров, характеристика общественного положения мужчин и женщин, народное образование, религия, этнический состав населения, кулинария, музыкальное, изобразительное и другие виды искусства, язык, литература, письменно-литературные памятники, фольклор и т. д.

Возьмем, например, этническую и антропологическую характеристику уйгуров, данную Ч. Валихановым. Надо отметить, что этот вопрос он рассматривает в тесной связи с древней историей Восточного Туркестана и этническим происхождением его обитателей.

Задавая целью выяснить, «к какому племени принадлежал народ, составлявший первоначальное население Восточного Туркестана...»²⁵, Ч. Валиханов обращается к китайским и другим источникам, в которых приводятся сведения о древних культурных центрах-городах на территории Восточного Туркестана, и изучает преемственную связь между духовной и материальной культурой аборигенов и современным населением страны. Принимая в некоторой степени предположение отдельных ученых относительно того, что основателями таких городов, как Уч-Турфан, Аксу, Куча, Урумчи, Пичан, Хотан, Яркенд, Кашгар, были индийцы, что название г. Хотан есть испорченное санскритское слово Куса-Тана (что означает «пуп земли»), Ч. Валиханов писал: «По лицу же своему туркестанцы (т. е. уйгуры. — авт.) напоминают тип индо-персидский и очень походят на среднеазиатских таджиков..., которые считают себя аборигенами страны еще до прихода тюрков. Бронзовый или кофейно-черный цвет кожи, углубленные глаза, прямой крючкообразный нос и худощавое сложение делают их совершенно отличными от народов тюркских и монгольских»²⁶. При этом вопрос о генетической связи уйгуров с другими народами, в частности с монголами, таджиками, он оставляет для решения будущему поколению ученых, заявляя, что «ум становится коротким в рассуждении этой материи»²⁷. Как бы то ни было, антропологическая характеристика уйгуров, наталкивающая на мысль, что основными компонентами, принимавшими участие в этногенезе современных

²³ Там же, стр. 532.

²⁴ Там же, стр. 297.

²⁵ Там же, стр. 77.

²⁶ Там же, стр. 76.

²⁷ Там же.

уйгуров, были племена, относящиеся по своему антропологическому типу к среднеазиатскому междуречью, впервые была дана Ч. Валихановым, и она несомненно имеет большое значение в решении вопроса этногенеза уйгурского народа.

В связи с историческим описанием народонаселения Восточного Туркестана Ч. Валиханов подробно останавливается и на характеристике уйгуров вообще, и кашгарцев, хотанцев, турфанцев, комульцев, таранчи и других подразделений в частности. Придерживаясь существовавшей в то время традиции в востоковедческой науке, Ч. Валиханов наряду с термином «уйгуры», как наименование коренного населения Восточного Туркестана, применяет такие термины, как «малобухарцы», «среднеазиатцы», «туркестанцы», «туземцы» и т. д.

«Туземные жители Малой Бухарии, — пишет он, — общего народного имени не имеют, а называют себя по городам: кашгарлык (кашгарец), хотанлык (хотанец), комуллык (комульский житель) и проч., или же просто ерлик — туземец. Китайцы называют их чанту (обвернутая голова), калмыки — хотан, а среднеазиатцы, киргизы и буруты распространяют имя кашгарцев на все население Восточного Туркестана»²⁸.

Иногда кашгарцы и таранчи рассматриваются Ч. Валихановым как представители разных народов, что, конечно, неверно. Например: «Народонаселение Или составляют: туземные мусульмане, кашгарцы и таранчи»²⁹.

Однако несмотря на некоторые неточности и непоследовательность в употреблении терминов, сведения, данные Ч. Валихановым о народонаселении Восточного Туркестана, характеристика уйгуров различных городов и лингвистические толкования их этнонимов и т. д. — все это является ценным вкладом в уйгуроведение. Так, например, ссылаясь на китайские, арабские и другие восточные рукописи, он всесторонне объясняет этноним «уйгур» (< ойхор, хой-хорь, хой-хой и т. д.) и характеризует самих уйгуров. Вот некоторые выдержки: «Уйгуры, по свидетельству Абульгази, были народ тюркского корня и были в числе первых значительных племен огузовых: канлы, кипчаки, уйгуры». «Уйгуры были мусульмане еще при Чингис-хане, имели тогда еще свое письмо и, как народ более образованный, употреблялись монголами для (ведения) письмоводства». «Между уйгурами много было сведущих в тюркском языке, в письмоводстве и в счетах были искусны». «Ойхоры или уйгуры у восточных историков занимают владения семи городов». «В Хиве между узбеками есть род уйгур, а в Бухаре — кытай». «Потомки древних уйгуров в княжествах Хами и Турфан и в селении Лобнор на берегу озера того же названия; к этому же разряду надо отнести и туркестанцев Северной линии, т. е. мусульманское население города Кульджи...» и т. д.³⁰ Или возьмем характеристику уйгуров различных городов и территориальных групп: «Таранчи (что по-маньчжурски значит пархарь) суть крестьяне, переселенные из Восточного Туркестана (в Илийский край. — авт.)». «Аксуйцы известны за самых добросердечных людей в Восточном Туркестане...». «Хотанцы красивы, добросердечны, нет ни лени, ни притворства». «Кашгарцы характера доброго, общительно-го, радушны, трудолюбивы и до крайности вежливы»³¹.

С особой любовью описывает Чокан Валиханов жизнерадостный, веселый нрав уйгуров, их мастерство в танцевальном, песенном и музыкальном искусстве. «Относительно музыки, — пишет он, — малобухарцы

²⁸ Там же, стр. 338.

²⁹ Там же, стр. 61.

³⁰ Там же, стр. 63, 121, 133, 338.

³¹ Там же, стр. 62, 121, 338, 347.

(уйгуры. — авт.) пользуются у всех среднеазиатцев почетом. Музыкальный хор их составляют: двухструнная лютия-дудар и ситар, последний инструмент имеет 18 металлических струн, на нем играют смычком, гиджак с волосяными струнами, его держат как виолончель; рабаб или калуи, вроде симбалов, на которых играют палочками, и маленькие бубны (чермендэ или даб)»³². Далее он указывает, что «одни или два певца под удары ручных бубнов читают стихи сначала из Алишера, а потом любовные и патриотические песни»³³. Патриотические, вольнолюбивые песни уйгуров пелись повсюду: и на вечеринках (машрабах), и на улицах, и в процессе труда. В этой связи Чокан Валиханов очень уместно отмечает, что попытки цинских властей запретить уйгурам петь патриотические песни, проникнутые духом национально-освободительной борьбы народа, были всегда безуспешными.

«Говоря вообще, нравственное качество жителей Малой Бухарии (т. е. уйгуров. — авт.)», — писал Чокан Валиханов, — заслуживает более похвалы, чем порицания. Китайцы обвиняют туркестанцев (уйгуров. — авт.) в неверии, лукавстве, лживости, лени и невежестве, азиатцы говорят, что они трусливы, не набожны и развратны»³⁴. Ч. Валиханов имеет на этот счет свое мнение. Причину этих «пороков» он ищет прежде всего в социальном неравенстве: «Постоянное порабощение, насилие и несправедливости, которым подвергался этот народ, — указывает он далее, — способствовали развитию многих дурных качеств характера, как например: недоверчивости, строптивости и лживости, но все-таки туркестанцы имеют много прекрасных начал, которых лишены все другие мусульманские народы и которые служат залогом, что при другой обстановке этот народ опередил бы всех своих единоверцев»³⁵.

Уйгуроведы могут почерпнуть много ценного из трудов Чокана Валиханова и по вопросам уйгурского языка и литературы. Поскольку Чокан Валиханов говорит о языке и литературе уйгуров, живших сто лет тому назад, то эти сведения приобретают особо важное значение в освещении вопросов истории языка и литературы современных уйгуров.

Ч. Валиханов был большим ценителем устного народного творчества. Находясь в Кашгарии, он записал немало уйгурских народных песен, пословиц и поговорок.

«Литература новоуйгурского языка, — пишет Чокан Валиханов, — который господствует в Восточном Туркестане, довольно богата переводами. Незнание персидского языка заставило малобухарцев перевести на свой язык все лучшие произведения религиозного содержания с персидского и арабского языков»³⁶. Однако нельзя согласиться с мнением ученого, когда он заключает, что «насколько литература Малой Бухарии богата переводами, настолько же она бедна самобытными произведениями. Нет ни одного поэта и известного писателя из малобухарцев... Единственное проявление поэзии — это народные песни; они состояются из четверостишиями, и сюжетами [им] служат политические события или любовь; общий характер песен — уныние и грусть»³⁷.

Дело в том, что из-за жесточайших преследований уйгурская литература, особенно патриотическая, не могла получить должного распространения и вынуждена была оставаться на положении устного народного творчества. Именно этим и объясняется распространение перевод-

³² Там же, стр. 346—347.

³³ Там же, стр. 347.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 346.

³⁷ Там же.

ной литературы, на пути развития которой не было столько преград, сколько встречала их собственно уйгурская литература. Лучшие образцы уйгурской письменной литературы того периода не могли получить широкого распространения среди населения и, естественно, Ч. Валиханов не мог их обнаружить.

Между тем уйгурская письменная литература занимает одно из ведущих мест в ряду классических литератур среднеазиатских народов. В историю уйгурской литературы вписан ряд имен замечательных поэтов. В их числе Мухаммед Имин-Ходжа Кули (Хиркати) из Кашгара, живший и творивший в XVII веке. Его поэма «Любовь и труд» является одним из лучших памятников того времени. В конце XVII — начале XVIII века жил и творил замечательный лирик Мухаммед Сыдык Зелели из Яркенда. Бессмертные дастаны и газели поэтов XVIII века — Нобити из Хотана и Абдураим Низари из Кашгара и других являются гордостью уйгурской письменной литературы. В XIX веке создавал свои произведения поэт Мулла Шакир. На севере Восточного Туркестана, в Кульдже, среди народа было популярно имя поэта-писменника Биляла Назыма.

В трудах Чокана Валиханова приводится также большая языковой материал, что свидетельствует не только о его чисто этнографических интересах, но и о большой лингвистической эрудиции.

Как нам известно, интерес Чокана Валиханова к языкам пробудился очень рано, еще в детские годы. «Султанские дети, — пишет А. Х. Маргулан, — по традиции, должны были изучать несколько восточных языков, или, как говорят, «жеті жұрттың тілін білу» — знать языки семи народов. Этот обычай тогда еще соблюдался, и Чокан... хорошо усвоил арабскую, а позже и уйгурскую грамоту»³⁸. В стенах кадетского корпуса он занимается уже более углубленным изучением языков и практически овладевает несколькими европейскими (немецким, французским и др.) языками. «Особенно проявил он себя в изучении восточных языков и этим обратил на себя внимание лучших преподавателей корпуса»³⁹.

Свои занятия по изучению восточных языков, в том числе уйгурского, Ч. Валиханов продолжает и после. Будучи в Кашгарии, он прекрасно изучил уйгурской язык и даже составил небольшой словарь наиболее употребительных в разговоре слов, содержащий также примеры идиоматических выражений. В трудах Чокана Валиханова можно обнаружить сотни и тысячи общетюркских, в том числе и уйгурских, монгольских, арабо-персидских и китайских слов, топонимов, которым он всегда дает свои квалифицированные этнолингвистические толкования, перевод на русский язык и комментарии. Им также раскрыта этимология и происхождение многих уйгурских слов.

Весь этот разнообразный и богатый лингвистический материал представляет для уйгурских языковедов-лексикографов, специалистов по топонимике и истории уйгурского языка исключительную ценность.

В трудах Чокана Валиханова мы находим и общую характеристику уйгурского языка. Так, например, в Кульджинском дневнике он пишет: «В китайской истории под именами хой-ху, хой-хорь, хой-хой известен народ чужеземный, давший династию хой-хорь и впоследствии занявший нынешний Восточный Туркестан. В восточных источниках народ этот известен под именем уйгуров. Нынешние жители Семи Городов называются китайцами чанту (чалмоносцы), буквально — обвернутая голо-

³⁸ Ч. Ч. Валиханов. Указ. соч., т. I, стр. 26.

³⁹ Ч. Валиханов. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, стр. 23.

ва. [Они] говорят наречием тюркского языка, который назван Клапротом уйгурским. Действительно, язык этот, хотя и тюркского корня, но отличен от его известных диалектов. Он имеет в себе много слов монгольских и много таких, которые по однозвучию напоминают тибетский. В грамматических изменениях и в произношении слов много различия. Язык дикокаменных киргиз есть его отрасль»⁴⁰.

Таким образом, Ч. Валиханов рассматривает уйгурский язык как единый язык для всего уйгурского народа, а не как язык жителей отдельных городов или округов (вроде «кашгарский язык», «турфанский язык», «таранчинский язык» и т. д.), что допускалось в трудах некоторых ориенталистов. И надо полагать, что когда Ч. Валиханов говорит об отличии уйгурского языка от известных диалектов тюркских языков, он имеет в виду языки кыпчакской группы (казахский, киргизский, татарский), которыми он хорошо владел. Нельзя не согласиться с ним и в том, что произносительная норма уйгурского языка, как языка «чюкающей» и «джюкающей» группы, значительно ближе к произносительной норме киргизского языка.

Развивая эту мысль, Ч. Валиханов в другом месте указывает, что «дикокаменные киргизы говорят наречием тюркского языка, весьма близким к диалекту, господствующему в Восточном Туркестане»⁴¹.

Заслуживает внимания высказывание Ч. Валиханова и относительно наличия у уйгуров общенародного и письменного языка и их особенностей. «Наречие это, называемое некоторыми ориенталистами уйгурским, — пишет он, — разделяется на письменное и народное. Письменное имеет большое сходство с джагатайским, между тем как народное содержит в себе множество своеобразных слов, может быть древнетюркских, а также немало монгольских»⁴².

Вполне понятно, что в объеме одной статьи невозможно даже бегло остановиться на всех вопросах, связанных с изучением уйгуров, которые нашли свое блестящее освещение в бессмертных трудах Чокана Валиханова. Они должны стать предметом ряда специальных исследований уйгуроведов: историков, этнографов, антропологов, искусствоведов, лингвистов, языковедов и представителей многих других отраслей уйгуроведческой науки⁴³.

Однако ясно одно, что Чокан Чингизович Валиханов, выдающийся сын казахского народа, издавна связанного узами братской дружбы с уйгурским народом, внес бесценный вклад в уйгуроведческую науку и по праву считается одним из первых ученых-уйгуроведов, чьи замечательные труды и поныне служат неповторимым образцом научного исследования.

Богатое научное наследие Чокана Валиханова по уйгуроведению в целом напоминает нам огромное полотно, живо и красочно написанное рукой талантливого художника и отражающее в себе многогранную жизнь, самобытную культуру и историю уйгурского народа во всей ее красоте, тонкости и причудливых красках национального колорита. И читая замечательные чокановские строки, современное поколение уйгурского народа с благодарностью и уважением вспоминает имя Чокана Валиханова, большого друга уйгурского народа, отважного исследователя и талантливого ученого.

⁴⁰ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1962, стр. 62—63.

⁴¹ Ч. Валиханов. Избр. произв. Алма-Ата, 1958, стр. 335.

⁴² Там же.

⁴³ Кадыр Хасанов. Чокан Валиханов как уйгуровед. Алма-Ата, 1963, 68 стр.